

И.А. БАБАЕВ
Бакинский славянский университет

ТИПЫ ОРФОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Аннотация: Статья посвящена орфологической лексикографии. Орфологические словари различаются по предназначению. Орфологические словари для иностранцев должны учитывать законы второго языка. Словари этого типа должны объяснять факты обоих языков.

Açar sözlər: norma, kontakt, interferensiya, təsir, qarışma

Ключевые слова: норма, контакт, интерференция, влияние, смешение

Key words: norm, contact, interference, influence, mixing

Орфологические словари для носителей языка и для иностранцев строятся на разных принципах. Если орфологический словарь для носителей языка систематизирует и объясняет речевые ошибки, обусловленные действием определенных закономерностей национального русского языка, проявляющих себя на стыке нормированной и ненормированной форм общенационального языка, то орфологический словарь для иностранцев учитывает типичные отклонения от норм русского языка, характерные для представителей той или иной конкретной национальности и предопределенные действием законов их родного языка.

Если орфологический словарь для носителей языка так или иначе раскрывает динамику взаимодействия литературного языка с просторечием, территориальными и социальными разновидностями общенационального языка, то в основе орфологического словаря для иностранцев должны лежать сопоставительные исследования.

Орфологическому словарю для иностранцев предшествуют лингвистические исследования двух типов. Это теоретические работы в области языковых контактов, а также конкретные исследования типологического, сопоставительного и лингводидактического характера. Последние ценны материалом по проявлению в речи на втором языке закономерностей родного.

Исходя из этого, можно предполагать, что создание орфологического словаря русского языка для азербайджанцев не должно столкнуться с трудностями. К сегодняшнему дню существует обширная литература по теории языковых контактов. Что же касается конкретно-практических исследований по обучению русскому языку азербайджанцев, то на протяжении всего XX в. в Азербайджане интенсивно велись такого рода работы. По вполне понятным политическим причинам обучению русскому языку придавалось особое значение. Работали целые школы, связан-

ные с изучением различных подсистем русского языка. Так или иначе все эти работы содержат материал для орфологии. Такой материал рассыпан в типологических и сопоставительных исследованиях на материале русского и азербайджанского языков, до сих пор проводившихся в Азербайджане.

Может возникнуть вопрос о необходимости анализа теоретических работ по языковым контактам в целях создания орфологического словаря. На наш взгляд, у каждого конкретного лексикографического исследования должна быть лингвотеоретическая основа. Конкретно практической работе по созданию словаря должна предшествовать теоретическая работа двух типов. Теоретическое исследование лексикографического характера и теоретическое исследование лингвистического плана.

Теория лексикографии тесно связана с практическими вопросами описания языковых единиц и невозможна без этого. Она не может быть вне учета конкретного описания конкретных слов, фразеологических единиц и т.д. Поэтому и сама теория лексикографии по своему характеру и степени отвлеченности от практики отличается от чисто лингвотеоретических работ.

Лингвотеоретическая часть орфологического исследования должна быть посвящена вопросам языковых контактов и закономерностям влияния родного языка на второй, изучаемый язык. Следует отметить, что само влияние одного языка (родного) на речь индивида на другом языке может быть как отрицательной, так и положительной.

То, что принято называть влиянием одного языка на другой, или проявлением закономерностей одной языковой системы в речи на другом языке, на самом деле представляет собой очень сложное и многообразное явление, более того, необходимо говорить не об одном, а о разных явлениях. В одном и том же факте проявления элемента одной языковой системы в речи на втором языке можно и следует видеть действие самых разных причин.

В теории языкознания широко известны высказывания различных ученых о взаимоотношениях языков, функционирующих на одной территории. Например, И.А.Бодуэн де Куртенэ в свое время высказывал мысль о том, что при взаимодействии двух языков ослабляется степень дифференцированности подсистем, что непосредственно приводит к ослаблению системы (1, 365). Эта мысль, выглядящая на первый взгляд обычной, на самом деле является чрезвычайно глубокой.

Контакты двух языков, особенно если они характеризуются длительностью, приводят к проникновению элементов одного языка в другой и наоборот. Причем такое взаимопроникновение элементов контактирующих языков несколько отличается от заимствования. На этом вопросе следует остановиться подробнее, так как он имеет непосредственное методологическое значение и для нашего исследования.

Известно, что заимствование может иметь две причины: языковую и внеязыковую. В первом случае определенные участки системы заимствующего языка испытывают нужду, требуют появления определенного знака, выполняющего определенную функцию. В этом случае появление иноязычного элемента в системе заимствующего языка функционально осмыслено. Дело в том, что в языковой системе постоянно имеются пустые ячейки в различных парадигмах. По большому счету ни одна языковая парадигма не может быть исчерпанной. Можно даже сказать, что

эволюция языка сводится к заполнению парадигм системы, которые в результате той же эволюции постоянно оказываются ущербными в том или ином отношении.

Таким образом, заимствование в соответствии с языковой причиной означает усовершенствование системы. Оно есть ответ на вызов системы. Язык ищет как в собственных ресурсах, так и в возможностях других языков. В случае обнаружения наиболее удачного с точки зрения потребностей языка средства он столь же удачно осваивает его, так как именно данное языковое средство отвечает его нуждам, оно вписывается в соответствующую парадигму нового языка.

Во втором случае, т.е. когда причина заимствования лежит вне языка и не связана с нуждами системы, как правило, заимствуются определенные предметы, слова же просто сопутствуют соответствующим предметам.

Второй случай носит относительно элементарный характер. Он проще и без особых проблем поддается лингвистической интерпретации, что же касается заимствования по языковым причинам, то в этом случае всегда есть необходимость в скрупулезном функционально-семантическом анализе.

От случаев заимствования, на наш взгляд, следует отличать взаимопроникновение элементов двух контактирующих языков, так называемое языковое смешение (термин Г.Шухарда).

Дело в том, что в случае длительного контактирования двух языков на определенной территории, как правило, имеет место смешение элементов систем этих языков. При этом достаточно сложно решить вопрос о заимствовании. С другой стороны, если речь не идет о заимствовании, то приходится признавать факт воздействия одной системы на другую, вопрос в том, как расценивать подобное воздействие, как положительное, или как отрицательное. Например, мы знаем, что одним из критериев культуры речи является точность словоупотребления, т.е. говорящий индивид не может использовать слова языка в каких-то особых значениях. Говорящие обязаны употреблять слова в тех значениях, которые им объективно присущи в языке на данном этапе.

Исходя из всего вышесказанного, довольно проблематично однозначное решение конкретных вопросов, связанных с употреблением конкретных слов в новых значениях, предопределенных воздействием другого языка. Например, в условиях длительных контактов двух языков слова одного языка могут использоваться в новых значениях, приобретаемых ими под влиянием эквивалентных слов другого языка. Если такое употребление слова начинает фиксироваться словарями, то обычно говорят о семантическом калькировании.

Случай семантической кальки представляет собой наиболее характерный пример такого рода, когда просто невозможно решить проблему в контексте культуры речи. Разумеется, использование слова родного языка в несвойственном ему значении под непосредственным влиянием иностранного языка есть речевая ошибка, отклонение от существующих норм родного языка. Рассуждая терминами проводимого нами исследования, такого рода словоупотребление представляет собой материал для орфологии.

Орфология и в этом случае оказывается в наиболее выигрышном положении. Применяя свой метод, она объясняет причину подобного ошибочного словоупотребления, анализирует соотношение данного нового значения с соответствующей

парадигмой семантической системы языка, демонстрирует отношение ошибки к норме. Более того, орфологический анализ способен раскрыть перспективы «ошибочного» словоупотребления.

С точки зрения нормативной лексики, разумеется, всякое подобное употребление родного слова в новом и чаще всего странном, с точки зрения заимствующего языка, значении выглядит неправильным. Здесь возможен только один вариант, не вызывающий возражения, или во всяком случае понимаемый носителями языка. Это развитие значения, отвечающее внутренним семантическим ресурсам слова. Например, метафоризация, возможности которой заложены в семантической структуре слова. Тут можно вспомнить исторически появившееся у русского глагола *тронуть* под влиянием французского языка такого значения, как «умилить, заставить расчувствоваться, сделав нечто приятное». Существует логика метафорического переноса, движения от конкретного к более отвлеченному, от физического к эмоциональному. Тронуть что-либо осязаемое рукой, ногой и т.д. и тронуть нечто, что не является видимым и осязаемым, т.е. чувства.

Иначе обстоит дело, например, с калькированием значений «консервативный» и «революционный» у слов *правый* и *левый*, исторически имевшее место также под влиянием французского языка. Здесь отсутствует какая бы то ни было логическая связь между основными и дополнительными значениями слов. Приобретение новых значений связано не с естественным развитием семантики слова, а с историей культуры чужой страны. В подобных случаях употребление слова в новом значении может вызывать раздражение ревнителей чистоты языка, поскольку здесь очевидно употребление слова в несвойственном ему значении. Разумеется, это только примеры и возможны более типичные случаи.

Или, например, известно, что носители русского языка не произносят некоторых специфических звуков, характерных как для западноевропейских, так и для восточных языков. Например, *о* умлаут, или *у* умлаут, звонкое *ч* и т.д. В то же время известно, что все эти звуки наблюдаются, причем устойчиво, в русской речи в Азербайджане. Важно также то, что эти особенности присущи не только русской речи азербайджанцев, но и русских, проживающих в Азербайджане. Как следует расценивать этот факт. Как воздействие на русский язык, изменяющее не только фонетическую систему его, но и артикуляционную базу его носителей? Как характерные особенности русского языка в Азербайджане? Как характерные признаки плохого русского языка, функционирующего в Азербайджане в условиях непосредственного и отрицательного влияния азербайджанского языка?

Следует прямо заявить, что сегодня ни один из ответов на этот вопрос не является удовлетворительным. В самом деле, логичнее всего было бы рассуждать об обогащении фонетической системы и в целом русского языка. Например, при фонетической адаптации англицизмов соответствующие звуки обязательно субституируются. При освоении фонетической системой современного русского языка указанных и некоторых других звуков потребность в подобной субституции исчезает.

Однако в этом случае необходимо ответить на вопрос об отношении русской речи, характерной для Азербайджана и других восточных и южных республик бывшего СССР, к национальному русскому языку. Но и тут не все гладко. Например, если признать чуждыми для национального русского языка элементы, по-

явившиеся в русской речи на нерусских территориях, то как быть с особенностями русских говоров, находящихся на границе языковой карты, носящих иногда характер смешанных языков. Каково отношение к национальному русскому языку этих говоров? Разумеется, ответ будет однозначным: эти говоры, как и все остальные охватываются национальным русским языком. Более того, вам скажут, что именно в этом и состоит отличие общенационального русского языка от современного русского литературного языка.

Еще более характерным и знаменательным является пример Словаря Даля. Известно, что в Словаре огромное количество тюркских слов, которые устойчиво употреблялись в различных диалектах русского языка. Поэтому они и вошли в Словарь. Ясно также, что эти диалекты находились в тесных контактах с различными тюркскими языками. Как расценивать этот материал, представленный в Словаре Даля? Например, его вполне можно считать орфологическим, т.е. отрицательным. Как доказать, что соответствующая лексика является русской, а не татарской, например, употребляющейся в тех деревнях, где русские живут с татарами одной интернациональной семьей?

Или, например, куда отнести синтаксические особенности русских говоров, возникшие как результат непосредственного влияния различных соседних языков. Что это, особенности общенационального русского языка, или особенности говоров, смешавшихся с другими языками.

Следует заметить, что и в том, и в другом случае это материал для орфологии. Однако существует принципиальная разница в лингвистическом объяснении этих фактов. В одном случае это материал, соотносящийся с нормой в рамках общенационального русского языка, на норму влияющий и ее изменяющий. В другом случае этот материал должен утрачиваться и в диалектах как чуждый, связанный с природой и законами другого языка.

Очевидно, что теоретическое решение этих вопросов имеет важнейшее значение для практики орфологической лексикографии. Специалисты, работающие над составлением орфологического словаря русского языка для азербайджанцев, окажутся перед необходимостью строгого и однозначного ответа на каждый из конкретных вопросов, связанных с проникновением элементов азербайджанского языка в русскую речь. Например, они должны определенным образом оценивать такое явление, как употребление азербайджанского *с* (звонкого *ч*) на месте исконно русского *дж*, или азербайджанского *ә* вместо *а* и т.д.

Такого рода изменения в русской речи могут наблюдаться даже на уровне синтаксиса, что не так просто обнаружить. Ситуация совершенно идентична той, что сложилась в России в XIX в. Известно, что почти на протяжении всего XIX столетия в России существовало уникальное русско-французское двуязычие. Известно также, что язык многих выдающихся русских писателей по всем уровням характеризовался трансформацией под непосредственным влиянием французского языка. Если на уровне лексики такое изменение языка лежит на поверхности и видно всем, то структурные трансформации в области синтаксиса носили очень глубокий смысл и сигнализировали об очень существенных изменениях в самом строе русской мысли. И, видимо, пресловутый адмирал Шишков был не так уж и не прав,

когда обвинял «галломанов» в безудержном следовании нормам не русского, а французского литературного языка.

Совершенно ясно, что ситуация анализируется и оценивается не с точки зрения эволюции языка, а с точки зрения мастеров слова, позволяющих себе трансформировать язык. Например, с позиций языковой эволюции насильственное изменение русского синтаксиса на французский манер есть катастрофа. Позиция Шишкова и его соратников была абсолютно верной, когда они считали все эти новшества речевыми ошибками. Другое дело, что в языке Пушкина и других корифеев все это воспринималось как норма. Понятно также, что можно рассуждать о гениальной прозорливости и абсолютном чувстве меры великого писателя, обусловившем удачность всех его новшеств. Тем не менее все его новшества в свое время были отклонениями от существовавших норм литературного языка, а следовательно, и речевыми ошибками.

Таким образом, для нашего исследования оказывается актуальным отграничение заимствования, явившегося результатом языковых и неязыковых причин, от смешения языков на территории постоянного и тесного контактирования двух языков. Например, к первому относится заимствование американизмов всеми языками современного мира. Ко второму – смешение русского и украинского языков на пограничных территориях между Россией и Украиной. Ито, и другое можно называть заимствованием, однако в основе этих процессов лежат совершенно разные процессы. Орфологический анализ не может обходить этот вопрос в каждом конкретном случае. Причем орфологический анализ не может и не должен исходить из такого понятия, как авторитет говорящего. Как указывал в свое время Э.Хауген, «Языковой контакт определяется как поочередное использование двух или более языков одними и теми же лицами, которых называют носителями, двух (или более) языков, или двуязычными носителями. В этом определении ничего не говорится об уровне их владения этими языками, о степени различия между языками, об условиях их употребления или масштабах возникающей при этом интерференции, но принимается в качестве аксиомы, что имеются две (или более) различные языковые системы и что, как правило, в тексте можно указать момент, когда говорящий переходит от одной из них к другой» (3, 61-62).

Еще более знаменательным является другое высказывание Э.Хаугена: «наложение двух систем в процессе речи и приводит к интерференции, которая определяется как случаи отклонения от норм данного языка, проявляющиеся в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками. Ясно, что этими определениями покрываются самые разнообразные явления в сфере языковых контактов, рассматривавшихся лингвистикой под такими рубриками, как двуязычие, субстраты, конвергенция языков, смешение языков, заимствования, креольские языки, языки-пиджин, иностранный акцент, изучение языков и т.д.» (3, 62).

Действительно, центральным понятием теории языковых контактов является понятие «интерференция», под которым разные ученые понимают различные явления. В самом общем виде интерференция – это проявление закономерностей одного языка в речи на другом языке. Закономерность в данном контексте берется как наиболее общий термин, охватывающий языковые реалии любого уровня.

У.Вайнрайх пишет: «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта, мы будем называть явлением интерференции» (2, 22).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том 1. М.: АН СССР, 1963.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979.
3. Хауген Э. Языковой контакт / Новое в лингвистике, вып. 6, М.: Прогресс, 1972, с. 61-80.

XÜLASƏ

Məqalə orfoloji leksikoqrafiyaya həsr olunub. Orfoloji lüğətlər məqsədlərinə görə fərqlənir. Əcnəbilər üçün yazılan lüğətlər ikinci dilin qanunlarını nəzərə almalıdırlar. Bu növ lüğətlər hər iki dilin fərqlərini izah etməlidirlər.

SUMMARY

The article deals with orphology lexicography. Orphology dictionaries differs by predestination. Orphology dictionaries for foreigners must take account of laws of second language. This type of dictionaries must explain case of both languages.